

КАФЕДРА

НГ Ex Libris (прил. к Независимой) - 2004 - 20 мая - с.3

Униженный эстет как герой народного бунта

О поэзии Эдуарда Лимонова

Владимир Бондаренко

Думаю, в любом случае кривая вывела бы Эдуарда Лимонова в лидеры сопротивления. Главным в жизни для него стало не искусство для избранных, не стихи или проза, как некий концепт, с которым он играет, а само существование, как сопротивление враждебному миру, которое становится больше и значимее его собственного эгоизма, его эстетизма, больше и значимее его литературных парадоксов. Неправы те, кто считает увлечение Лимонова политикой еще одним арт-проектом, игрой пресыщенного эстета, громкой рекламной акцией.

Во-первых, если это игра, то игра со смертью. Мало кому под силу такая игра. Во-вторых, думаю я, долгие годы общающийся с Эдуардом, его игра давно переросла в осознанное стремление к сопротивлению, к борьбе с ненавистным ему буржуазным миром. И от бывших друзей он отвернулся не по политическим причинам, а из-за их внезапно проявившейся в годы перестройки буржуазности. Не может быть буржуазного андеграунда. И потому место художника всегда на баррикаде.

«Окна РОСТА» и Лиманово

Его судьбу уже сейчас можно сравнивать с судьбой другого «агитатора, горлана, главаря» Владимира Маяковского. Путь от футуристической редиски в петлице и стихов «Люблю смотреть, как умирают дети» к поэмам «Ленин» и «Хорошо», к дракатам и «Окнам РОСТА», к революционным стихам, к «Левому маршу» и далее к осознанно государственности, великой державности своего дела, своей миссии и неслучайному признанию Иосифа Сталина, что «Маяковский был и остается лучшим поэтом советской эпохи», спустя более чем полвека повторился, преобразился в путь Эдуарда Лимонова. Он тоже от ранней концептуальной поэзии, от авангардного минимализма, от роли экцентричного абсурдиста в кругу своих лимановских друзей прошел путь сначала до трагического, пока еще экзистенциального бунта отверженного и покинутого поэта в романе «Это я - Эдичка», бунта против всех режимов и всех государств. А затем Эдуард Лимонов с неизбежностью пришел к построению своей национальной-большевистской утопической модели общества, к новому коллективизму, к новой народности. Отверженный и эмоционально неблагоприятный творец почти всегда становится народным бунтарем.

Эдуард Лимонов, особенно в эмиграции, и на самом деле жил жизнью маленького несчастного, обделенного и отверженного русского человека

Разве что финал пока еще у Эдуарда Лимонова, к счастью для нас, не схож с финалом Маяковского. И даже почти пророческие стихи о смерти в Саратове оказались преодолены силой воли и строго организованным сознанием лидера партии, политика, главаря. В данном случае он победил в себе поэта. «Эму я здесь в Саратове в итоге / Не помышляет здесь никто о Боге / Ведь Бог велит наступить куда хочу / Лишь как умру - тогда и полегчу».

Нет, его предсказание саратовской смерти, так же как и других своих смертей в молодости, не сбылось. Натолкнулось на иную стихию. В этом главное противоречие Эдуарда Лимонова. Глубочайший осознанный эстетизм, любованье собой и своими действиями, манерность, игра с вещами и с друзьями - все то, что сблизило Эдуарда Лимонова с лимановским кружком поэтов и художников, поглощало или вовсе уничто-

жалось гораздо более сильной страстью, страстью национального русского героя, противостоящего распаду и страны, и общества, и культуры, стремлением к осознанному политическому и общественному лидерству в этом народном сопротивлении. Его жизнь оказалась сильнее и значимее его искусства, его борьба оказала огромное влияние на стиль и смысл его же творчества.

Звучащие письма

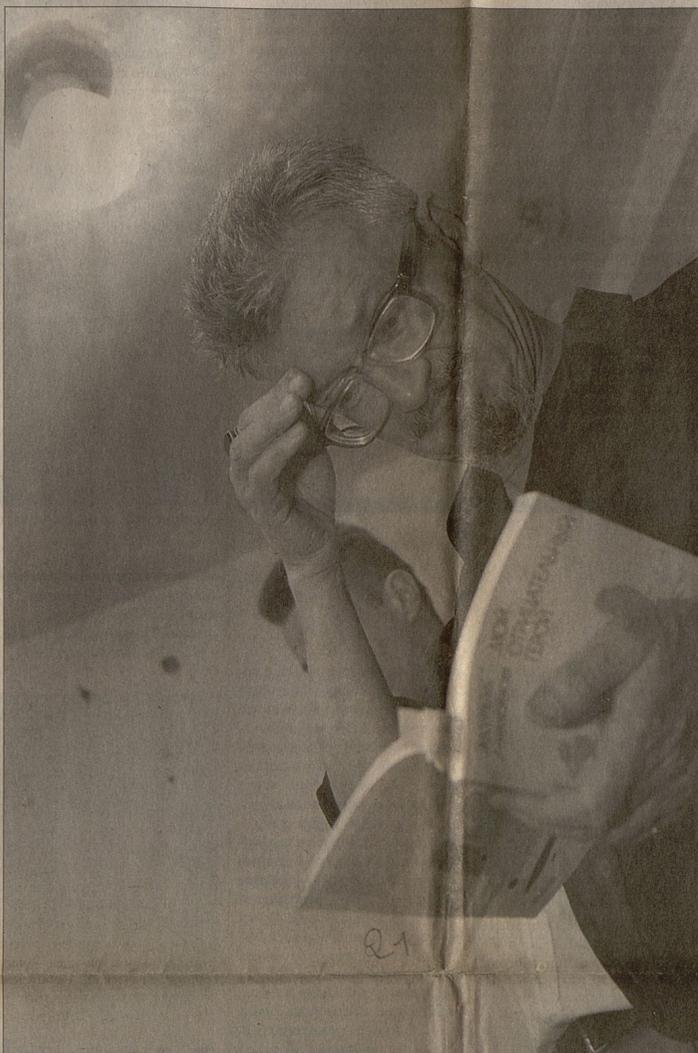
Вышедший в издательстве «Ультра. Культура» наиболее полный сборник стихов Эдуарда Лимонова «Стихотворения», куда вошли его стихи от самых ранних до написанных в тюрьме, помогает нам и в политике, в лидере партии, в бывшем политзаключенном, в прославленном прозаике обнаружить следы исчезнувшего поэта, сумевшего свои поэтические переживания маленького неблагополучного человека сделать близкими миллионам таких же, как он, людей: «От меня на вольный ветер / Отлетают письма / Письмена мои - по долгу / Заживете или нет?»

Его ярко звучащие письма придали больший вес его ярко звучащим поступкам. Писателя Лимонова в охотку слушала вся страна в начале перестройки, а затем уже колонны молодых нацболов поверили ему, как своему вождю, по сути, доверили ему свои жизни. Не есть ли это высшее признание поэта?

По-моему, первым, кто обратил внимание читателей на то, что сквозь эксцентричный эстетизм Эдуарда Лимонова прорывается сама жизнь со своими проблемами, прорывается трагическое восприятие и себя, и своей эпохи, был Иосиф Бродский. Будущий нобелевский лауреат написал очень верное, отнюдь не праздное предисловие к лимановской подборке стихов в журнале «Континент»: «Обстоятельством же, отличающим Э. Лимонова от остальных существующих или существовавших поэтов, является то, что стилистический прием, сколь бы смел он ни был... никогда не самоцель, но сам как бы дополненная иллюстрация высокой степени эмоционального неблагополучия - то есть того материала, который, как правило, и есть единый хлеб поэзии...»

Потому и сбегал Лимонов подальше от своих эстетствующих и прожигающих жизнь в пустоте концептуальных приятелей, что отринув их пустоту, его вела энергия таланта.

Посмотрим, как этот жизненный трагизм, это эмоциональное неблагополучие передается даже в ранних стихах Ли-

Лимонов читает свои стихи редко, но метко.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

монов, написанных еще как бы по законам архаичной примитивной поэтики, в духе зарождавшегося тогда в среде андеграунда игрового минимализма, фиксирующего простую реальность слов и жестов, реальность разговора преобразующего в поэтический акт. Эта реальность передается осознанно бедным, скудным языком, к тому же пародируется, выпячивая наиболее характерные черты своего времени: «Я был веселая фигура / А стал молчаливый и бедняк / Работы я давно лишился / Живу на свете кое-как / Лишь хлеб имелся б да картошка / Соль и вода и чай / Питаюсь я малой ложкой / Худой я даже через край / Зато я никому не должен / Никто поутру не кричит / И в два часа и в полдню / Зайдет ли кто - а я лежусь».

Конечно, корни такой поэзии можно отыскать еще у капитана Лебядкина, что ни говори, а еще одна русская традиция. Но я бы подметил и пси-

хологию героя таких стихов. Это еще далеко не лидер, не бунтарь, не затворник. Это тот самый маленький человек, которым традиционно занималась вся русская литература. Только раньше и писатели-реалисты, и художники-передвижники описывали его, переживали за него, а нынче он сам пробует говорить своим языком. Психология маленького человека прочитывается и у других концептуалистов 70-х годов, в стихах Игоря Холина, Генриха Сапгира, и у Дмитрия Пригова в его наиболее интересных вещах. Стихи Лимонова 70-х годов отличаются, пожалуй, перенасыщенностью инверсиями, осознанным нарушением естественного порядка слов. Но эта нарочитость, которая могла бы показаться и эксцентричной,

Барышников, отвечая кому-то из своих высоких друзей. Таким его запомнили и в Нью-Йоркской эмиграции, и в лимановской компании андеграунда - маленьким, худым, влюбленным и покинутым... Из таких обычно и вырастают бунтари и революционеры, террористы и поэты: «Мелькают там волосы густо / На стальной лампа горит / Во имя святого искусства / Там юноша бледный сидит / Бледны его щеки и руки / И вялые плечи худы / Зато на великое дело / Решился. Не было б беды / И я этот юноша чудный / И волны о голову бьют / И всякие чудные мысли / Они в эту голову льют...»

Маленький человек с великой мечтой. Рахметов или Раскольников? Трагический голос поэта прорывается через самые банальные слова, через набор общеизвестных положений, через повторы и реминисценции. В отличие от Дмитрия Пригова, стихами 70-х годов вроде бы близкого Лимонову, поэт не примеряет на себя чужие маски, чужие образы, а сам сливается со своим маленьким человеком.

Боец-одиночка

Но какова ранняя идейная направленность осознанного эстета Эдуарда Лимонова? Пожалуй, тут его эстетство смыкается с эстетством Николая Гумилева или с таким же имперским эстетством Павла Когана («Но мы еще дойдем до Ганга / Но мы еще умрем в боях, / Чубот от Япони до Англии / Сияла Родина моя»). «Всякие дивные мысли», посвящающие голову просвещенного влюбленного юноши Эдички Лимонова, особенно после трагедии любви, наполнены взрывом ненависти к благополучному, жирному, сытому буржуазному миру, отчаянием и болью отверженного человека и пока еще экзистенциальным вызовом вольнолюбивого, брошенного, нищего и обманного героя. Он уже боец, но пока еще боец-одиночка. Воин в чужих станах: «Кажется в Аравии служил / После пересек границу Чили / И в Бейруте нулю получил / Но от

этой пули излечили / Где-то в промежутках был Париж / И Нью-Йорк до этого. И в Риме / Он глядел в среднюю тибрских жиж / Но передетым. Даже в гриме / Боже мой! Куда ни убегай / Пули получить. Стрелять. Боротся. / Свой внутри нас мучает Китай / И глазами желтыми смеется...»

Так он шел к своему внутреннему Китаю. Мировой космополитический театр жизни со временем становится для него чужим. Он отстраняется от него. Он отстраняется от самого себя, всячески выживающего в чужом для него мире. Он и в себе видит чужину, которую надо преодолеть в поисках своего национального Китая. Преодоляет своего отрицательного героя в себе самом. Любителя всевозможных модных тусовок, искателя эстетских приключений и знакомств со знаменитостями. Это изживается или убивается в себе самом поповал: «Мой отрицательный герой / Всегда находится со мной. / Я пью пью - он пиво пьет / В моей квартире он живет».

Конечно же, и у Эдуарда Лимонова, как у любого стоящего русского поэта, есть свои учителя и своя традиция. Прежде всего заметно влияние Велимира Хлебникова, которого он ценит чрезвычайно высоко, выше Александра Пушкина. Эдуард Лимонов справедливо считает, что у нас в России Велимир Хлебников явно недооценен. От Хлебникова и любовь к русскому языку, к русской теме, как к чему-то личному и необязательно пафосному: «Россия солнцем освещена / Москва и здания верхи / Стоит в зиме непротоплена / Поди ее воспеть смоги».

В поэзии Эдуарда Лимонова всегда заметна направленность текста на самого себя, уход в собственные страдания и переживания. Никогда не господствуют внешние признаки зменого бытия, без чего, скажем, не обходились шестидесятники. У Лимонова трудно понять, какое стихотворение написано еще в Москве, какое уже в эмиграции в США, а какое в Париже. Разве что последние стихи 2003 года выделяются своей тюремной се-

мантикой. И лишь неожиданно, между прочим, встречаешь в стихах: «Вся седьмая авеню / шепчет тихо «Схороно...», или же: «...бросил вдруг в Сену бутылку араб / Бросил отпустил свой кебаб», и становится ясно место написания стихотворения. Зато воспоминания о России, русская тема в эмиграции развивается постоянно, маленький человек Лимонов все больше воспринимает себя как русского человека, как русского национального поэта. Уезжал из России эстет, уезжал вместе с молодой женой, рвушейся в западные салоны, уезжал вослед за друзьями Кабаковыми и Шемякинскими: «И коль уехали ребята / На Западе поэтический манифест: «Право же слово только к армии / Я испытываю почтение в моей стране / И право же слово толь-

Обладея блестящей памятью, уже года через два своего ученичества, а уж тем более за годы эмиграции Эдуард Лимонов легко освоил чужие языки, перечитал моные в интеллектуальных эстетских кругах сочинения мудреных авторов, а затем неожиданно для себя интуитивно обнаружил, что высота и величие поэта возможны лишь при возвращении назад, в низовое народное слово, в низовую народную культуру, в имперское сознание. Он должен был решить сам: или быть портным или портье, или становиться национальным героем. Выбрал второе. Лимонов пишет «Оду армии» как свой поэтический манифест: «Право же слово только к армии / Я испытываю почтение в моей стране / И право же слово толь-

щей взмахем / Моя новая страна / Твоя новая вина / Ты меня не привлекаешь / Не берешь и не ласкаешь / Пожалей ты сполна / Загоришь и заплянешь / Вспомнишь наши имена!»

Пришла пора революционного экстремизма Эдуарда Лимонова. Пора сотрудничества с радикальными французскими газетами, пора шумных общественных акций, а затем, с началом перестройки, пора первых публикаций в России.

В то же время, в начале 1991 года, и я связался с Лимоновым в Париже, договорились о сотрудничестве в газете «День». Ряд острых статей появился в «Советской России». Даже «Наш современник» со своим традиционализмом снизошел до рассказов самого протестно-

Он освоил эстетство, как иные осваивают какую-нибудь физическую химию

В эмиграции Эдуард Лимонов очень быстро обнаружил, что и друзьям не до него, заняты собственным выживанием, и идеалы не в моде, все определяет страсть к наживе, абсолютно чуждая Эдуарду Лимонову: «В Америке как в Бухаресте / По окончании войны / Меняют деньги на штаны /... / Люблю я Крым и не люблю Одессы / Америка - Одесса же сплошная / Вульгарная страна, неразвитая».

Национальный поэт

По-настоящему русским писателем Эдуард Лимонов себя почувствовал именно в Америке. И все былые концепты обрели совсем другое значение в стране, где ему предстояло долго прожить чужаком, изгоем. Сегодняшние читатели Эдуарда Лимонова, наверное, не узнали бы в нью-йоркском Лимонове своего лидера. Не знаю, что было бы, остался поэт в Москве в той же самой ботемной среде. Большого поэта всегда рождает трагедия. Национального поэта рождает любовь к родине. И то и другое Лимонов осознал на чужбине: «Отвечает родная земля / Ты назад забери свое «бли» / Только ты мне и нужен один / Специально для этих равнин / Ты и сделан для этой беды / Для людей для травы-лебеда / И для шепотки ржавых ножей / Я щипу бедной груди твоей / Но за службу такую плачу / Твое имя свяжу в свечу / И горит же она и горит / Тебя всякий из русских простит...»

Живя Россией

И каков же он на самом деле, Эдуард Лимонов, как русский национальный поэт в пору своей зрелости, на пороге отрицания Америки: «Дорогой Эдуард! На крути возвращаются люди / На свои на крути. И на кладбища где имена / Наши предков. К той потной морде, к той руси или чуди / Отмечаешь твой мясовый праздник - война! / Дорогой Эдуард! С нами грубая сила и храмы / Не одеть нас Европе в костюмчик смешной / И не отиснуть монголо-славянские рамы / Под пальцами и не положить под стеной / Как друг океан неизвестный внизу созерцая / Первый раз. Открывали старые тляежные земли / Мы стоим - соискатели ада и рая / Обнимаю Елену за плечики тонких кафель...»

После таких стихов и таких мыслей там, на Западе, Эдуарду Лимонову уже нечего было делать. Блудный сын готовил возвращение на родину, не зная, состоит ли оно, задолго до всяких перестроек. Он уже жил Россией, но, не зная будущего, уныло обрел себя на могилу в Америке... Как мы уже знаем, с пресмертными предсказаниями у него не очень-то получается. Избежал и Саратова, избежал и Америки, хоть и завидовал белой завистью Есенину Сереженке, что лежит «на Ваганькове / вместе с Катками и Ваньками... / Не лезть же там Лимонову / блудному ветрополю / А лежать ему в Америке / не под деревцем. Не в скверике / А на асфальтовом квадратице...» К счастью, не будет в его жизни этого американского асфальтового квадрата, ненавистного поэту.

Ненависть к Америке именно там, в Америке, вызвала в нем ультрареволюционное стремление к ее разрушению, как символа мирового зла. Еще живя там, поэт мечтал ее полжечь, мечтал сотворить в ней революцию. Вот оно - сопротивление с агитками Маяковского: «И гори дурог огнем / Революцией на свете / Револю-

ко в структуре армии / Застраивает мой ум / Веселится мой мозг...»

С той поры в его поэзии всегда присутствует естественный, природный, идущий от отца милитаризм, не скрывается его любовь к оружию. Он не стал менять национальный русский менталитет, он обретает иной статус - имперского поэта, и со временем его маленький человек или уступает место имперскому человеку с иной семантикой, иной речью, или же сливается с ним, сам становится частью великого целого.

В соответствии с новым мифом, с русской традицией поэт обращается к теме Великой Отечественной войны. В прозе он пишет повесть «У нас была великая эпоха», в поэзии - стихотворение «Наши национальные подвиги» - о победном 1944 году, о русских солдатах, бьющих по хребту немецкого зверя.

Вспомнил Эдуард Лимонов в Москве, а затем последовало и возвращение на родину. Тут уж ему было вовсе не до стихов.

Бунт

Эдуард Лимонов ощутил себя рядовым бойцом, воином в стане своих. И только после поражения патристической оппозиции на баррикадах Дома Советов в октябре 1993 года, после отхода на умеренные позиции его бывших соратников он пошел дальше самостоятельно и создал свою Национал-большевистскую партию. И то поначалу совместно с Александром Лугиным, полем лидерство пополам. Рядовым бойцом он был и в борющейся Югославии, и в Приднестровье. Лишь пройдя огонь баррикад и окопы горячих точек, уже не наемником, а осознанным русским патриотом, он решился на лидерство в движении обездоленных русских ребят. Позвав всех молодых под знамена социальной и национальной справедливости, он стал вождем таких же, каким был сам в рабочем Харькове - отверженных и обездоленных, непримиримых и гордых простоплюдином России.

К стихам Эдуард Лимонов возвращался изредка. Характерным для поздних стихов Лимонова я считаю стихотворение, посвященное памяти майора, убитого в Чечне: «Я найдуся, майор, ты попал в рай, / И рай твой ведет войну / С адом соседним за райский сад, / Примыкающий к ним двоим. / Я надеюсь, майор, что твой отряд / Наступает сквозь адский дым. / Что крутая у вас в раю война! / Таких, как ты любил...»

Безусловно, самым ярким поэтическим воплощением ненависти к нынешней буржуазной власти, с которой Эдуард Лимонов боролся и в стихах, и в прозе, и в жизни, стал его «Саратовский центр». Одно из лучших стихотворений поэта. Мы видим уже отход от концептуального натурализма, от автозависимых впечатлений, видный зафиксированный поэтотом в образах и метафорах, что так необычно для него, метафизическую реальность зла: «Торьма живет вся мокрая внутри / В торьме не заснут никогда / Стричь!.. / В торьме ни девок нет ни тишины / Зато какие здесь большие сны! / Торьма как мама, мама горячая / Торьма родит. Намужная, кряхча / И изрыгает мокрый, мертвый плод / Торьма над нами сладостно поет! / «Ву-у-у-у! Су-у-у-у! У-ааа! / Ты мой пацан, ты мой, а я мертва / На суд-двор, на бледный Страшный суд / Тебя пацан. Вставай пацан, зови-ути!»

Может быть, в связи со стихией народного бунта, как у Александра Блока и Владимира Маяковского, у поэта Эдуарда Лимонова проявляется его высшая эстетика? Это тот высший предел эмоционального неблагополучия, который может пережить поэт, обретая для себя самый высший хлеб поэзии.